

Научная политика СССР в 1950-е–начале 1980-х годов в исследованиях советских и американских ученых

А. В. Самарин

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
samarin@mail.ilhkomisc.ru

Аннотация

В 1950-х гг. руководство СССР начало осознавать технологическое отставание страны от передовых западных стран. В связи с этим Советский Союз приступил к трансформации своей научной политики. Поиски оптимальных механизмов организации науки продолжались до конца советского периода. Ученые науковеды и историки науки, являясь непосредственными участниками этих событий, давали оценку происходящей трансформации. Эта оценка не всегда была объективной. В наше время, благодаря новым компьютерным технологиям, у исследователей появился доступ к документам американских специалистов, которые в 1970–1980-х гг. на государственном уровне изучали основные механизмы научной политики нашей страны.

Цель работы – сопоставление выводов советских и американских специалистов, изучавших научную политику СССР в 1970–1980-х гг., и выявление оценок основных механизмов реализации научной политики в СССР. Основными источниками работы стали отчеты американских членов рабочей группы по изучению научной политики, которые не использовались ранее в отечественной историографии. Проведя сравнительный анализ работ, автор приходит к выводу, что советская научная политика развивалась в общем мировом русле. Некоторые механизмы управления наукой, разработанные в СССР, были новаторскими; другие – не работали вовсе в условиях отсутствия конкуренции и жесткой командной системы.

Ключевые слова:

научная политика, СССР, США, история науки, Академия наук, ГКНТ, инновации, производство

Социально-экономическое развитие СССР после Великой Отечественной войны имело уникальные черты, которые повлияли на общий вектор научно-технического прогресса. Во-первых, благодаря репарациям, в СССР хлынул поток зарубежных технологий, ускоривших их развитие технологий в стране. Во-вторых, послевоенное восстановление заводов и предприятий позволяло устранить просчеты, допущенные в 1920–1930-е гг. в ходе индустри-

Scientific policy of the USSR in the 1950s–early 1980s in the research of Soviet and American scientists

A. V. Samarin

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
samarin@mail.ilhkomisc.ru

Abstract

In the 1950s the leadership of the USSR began to realize the country's technological lag behind the advanced Western countries. In this regard, the Soviet Union began to transform its scientific policy. The search for optimal mechanisms for the organization of science continued until the end of the Soviet period. Scientists and historians of science, being direct participants in these events, assessed the ongoing transformation. This assessment has not always been objective. Nowadays, thanks to new computer technologies, researchers have access to the documents of American specialists who studied the main mechanisms of our country's scientific policy at the state level in the 1970s–1980s. The purpose of the paper is to compare the conclusions of Soviet and American specialists who studied the scientific policy of the USSR in the 1970s–1980s, and to identify assessments of the main mechanisms for the implementation of scientific policy in the USSR. The main sources of the work were reports by American members of the working group on the study of scientific policy, which had not been used before in Russian historiography. After conducting a comparative analysis of the works, the author comes to the conclusion that Soviet scientific policy developed in the general global mainstream. Some of the science management mechanisms developed in the USSR were innovative. Others did not work at all in the absence of competition and a rigid command system.

Keywords:

Scientific policy, USSR, USA, history of science, Academy of Sciences, State Committee for Science and Technology, innovation, production

ализации, внедрять технологическую базу, основанную на достижениях последних лет. Тем не менее уже к середине 1950 г. руководство страны стало осознавать, что по некоторым направлениям темпы развития науки и техники в СССР отставали от западных, что производство, говоря словами Л. И. Брежнева, «шарахается от научно-технических новинок как черт от ладана» [1, с. 81]. В связи с этим в стране проводились комплексы мероприятий, направ-

ленные на актуализацию научно-технической повестки, сближение исследований и разработок к задачам экономики (промышленности), создание механизмов управления научно-исследовательской деятельностью. Однако прошедшие годы продемонстрировали, что выработанные решения в целом не привели к ожидаемым результатам и сегодня Российская Федерация, разрабатывая новые подходы к научной политике, вынуждена искать ответственные ответы на те же вопросы: почему российская промышленность в своей массе остается невосприимчивой к инновациям.

Цель статьи – сопоставление выводов советских и американских специалистов, изучавших научную политику СССР в 1970–1980-х гг., и выявление оценок основных механизмов, применявшихся для преодоления начавшегося технологического отставания СССР.

Советские работы по истории науки в СССР схожи между собой. Они хвалят советскую систему организации науки и критикуют буржуазную, подсвечивают факты и статистику, которые в выгодном свете представляют советскую систему [2, с. 27]. Поэтому для целей исследования из большого разнообразия источников и документов мы отобрали произведения ключевых авторов, писавших свои работы в 1970–1980-е гг. и изучавших вопросы развития науки через изучение трансформации научной политики. Труды Е. А. Беляева являются образчиками работ своего времени. Ученый анализирует вопросы размещения научных учреждений, прослеживает трансформацию научно-технической политики в зависимости от государственных приоритетов [2–4], показывает развитие научно-образовательного комплекса через исполнение решений партийных и советских органов [5]. Вторым знаковым автором, безусловно, является Г. А. Лахтин. Его монография «Организация советской науки: история и современность» стала настольной книгой всех исследователей, занимающихся вопросами истории развития науки в России. Эта работа имеет два неоспоримых преимущества. Во-первых, в ней скрупулезно рассмотрены становление и развитие всей системы управления наукой от первых лет советской власти до 1980-х гг. Во-вторых, изучены все основные элементы этой системы: фундаментальная, отраслевая и вузовская наука. Монография – результат многолетнего труда Г. А. Лахтина, была издана на излете советской эпохи, поэтому включает в себя ретроспективу развития советской научной политики. Написана в идеологически выдержанном ключе, но при этом исследователь допускает критические комментарии, которые свидетельствуют о расхождениях между идеальной моделью и ее реальным воплощением [6].

Оценки, сделанные в советское время, хоть и в разной степени, но подвержены идеологическому влиянию. Современная литература избавлена от идеологии, но время, отдаляющее исследователей от рассматриваемых событий, сглаживает острые углы, упрощает некоторые аспекты. Тем не менее, благодаря повсеместному развитию технологий по оцифровке архивных документов, а также интернету у нас появилась возможность познакомиться с новыми документами и независимыми оценками научной

политики СССР, сделанными современниками тех событий, ведущими специалистами в области научно образовательного комплекса США.

Речь идет об отчетах американских специалистов, участников Советско-Американской комиссии по научной политике. Начиная с 1972 г. правительства США и СССР подписали более 11 двусторонних соглашений о сотрудничестве в различных областях. Главное из них – соглашение о сотрудничестве в области науки и техники, подписанное президентом США Р. Никсоном и Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в мае 1972 г. Для выполнения этих соглашений были созданы смешанные советско-американские комиссии и рабочие группы, в задачи которых входили выработка конкретных программ сотрудничества и их реализация. Рассматриваемые документы были подготовлены Американским комитетом Объединенной советско-американской рабочей группы по научной политике.

Американские специалисты неоднократно приезжали в СССР, посещали различные научные учреждения. Советская сторона по запросу американских коллег предоставляла развернутые справки о механизмах реализации научной политики СССР. Участники рабочей группы констатировали, что сторонами собран большой объем уникальной информации, который может быть интересен широкому кругу специалистов. Основным результатом работы группы стал совместный отчет «Системы стимулирования развития фундаментальных исследований». К сожалению, нам не удалось найти текст этого отчета. Однако по имеющимся материалам американские специалисты подготовили еще несколько работ. Нам удалось найти три отчета членов рабочей группы, в которых проанализированы материалы, полученные в результате совместных действий.

Первый отчет Луван Нолтинг и Мюррей Фешбах опубликовали в статье «Занятость в НИОКР в СССР» (R&D Employment in the U.S.S.R) [7]. Вторая работа – отчет Пола Кокса для Национального совета по изучению Советского Союза и Восточной Европы «Роль партии в советской научно-технической политике» [8].

Однако наиболее значимым как по объему, так и по влиянию на последующие исследования стал двухтомник «Научная политика США / СССР» [9]. Изначально документ задумывался как вспомогательный инструмент общего назначения, суммирующий большое количество информации о советском научном руководстве, механизмах принятия решений и разработке и реализации научной политики. Стремясь к полноте, авторы включили дополнительную информацию по истории советской научной политики, о ее структуре, распределении ролей и иерархии. Однако главные вопросы отчета – какие уникальные черты имеет научная политика в СССР? И чем она отличается от научной политики в США?

Научную политику СССР в 1920–1940-х гг. мы описывали ранее [10]. Кратко отметим, что начиная с 1920-х гг. Советская Россия вложила в организацию научных институтов и подготовку научных кадров (в пересчете на ВВП) больше, чем любая другая страна мира. С 1920-х гг. сфор-

мировался принцип «сплошного фронта» – под каждую крупную научную проблему открывали институт. Количество научных институтов выросло в геометрической прогрессии. В 950-е гг. СССР занял лидирующие позиции в мире по количеству научно-исследовательских институтов, научных и инженерных работников. Однако в это же время пришло понимание того, что важнейшие научно-технические задачи не могут быть решены экстенсивными методами. Если до середины 1950-х гг. в отношениях государства и науки во главе угла стояли аспекты идеологической борьбы (академическое дело, сессия ВАСХНИЛ, Марровское учение о языке), хотя за учеными оставалась определенная гибкость при формировании исследовательских коллективов и постановке научных задач, то во второй половине 1950-х гг. власть начинает вмешиваться в управление наукой, все настойчивее требуя реформ в ее управлении. Президент АН СССР А. Н. Несмеянов в 1954 г. пытался мягко провести реформы в главной научной организации страны – Академии наук СССР. Ему удалось относительно бескровно поменять принципы управления Академией и добиться устранения наиболее существенных организационных недостатков. Была осуществлена децентрализация управления, выразившаяся в расширении административных полномочий директоров институтов и заведующих лабораториями и усилении регулирующей роли Общих собраний Академии. Была усовершенствована система планирования материального обеспечения фундаментальных исследований [11, с. 203]. Однако недовольство генерального секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева деятельностью А. Н. Несмеянова и всей Академии наук только усиливалось. А. Н. Несмеянов вспоминал: «Продолжались вызовы в Кремль на заседания Совета Министров, более частые, чем когда-либо раньше. <...> Я же, бывало, попадал изредка в такие положения, в которые лучше не попадать. Неприятные ситуации возникали все чаще. Иногда это были случайные, казалось бы, реплики со стороны Хрущева, иногда реплики-поручения вроде того, что нужно бы произвести перестройку структуры Академии, чтобы улучшить ее работу» [12, с. 263].

Высшей точкой напряжения стала реформа АН СССР 1959–1964 гг., в ходе которой часть академических институтов была передана в подчинение отраслевым министерствам с целью освобождения фундаментальной науки от прикладной тематики. Реформа затронула 92 научных учреждения и треть всех сотрудников академии, 51 институт и семь филиалов были ликвидированы либо переданы в различные министерства [3, с. 99]. В 1961 г. было упразднено отделение технических наук АН СССР, вероятно, именно его сделали главным виновником замедления темпов технологического развития страны.

Во второй половине 1960-х гг. научная политика претерпела очередные трансформации, которые с небольшими изменениями и дополнениями просуществовали до конца 1980-х гг. После упразднения совнархозов на союзные и республиканские министерства была возложена обязанность научно-технического сопровождения производства. В промышленности важную роль стали играть научно-технические советы, возглавляемые министрами

или их первыми заместителями. Основной задачей этих советов стало определение единой научно обоснованной технической политики. Отраслевая наука вошла в контур управления производством [5, с. 103]. Ожидалось, что это сократит путь технических новинок от лаборатории до производства.

В 1965 г. был создан Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике (далее – ГКНТ) – государственный орган, определявший приоритеты и проводивший государственную политику в сфере научно-технической деятельности. Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике сравнивал развитие науки в СССР и других странах, докладывал об отставании в тех или иных областях. Затем ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимали постановление об ускоренном развитии тех или иных научных направлений и достижения передового уровня исследований. Так, например, в 1974 г. было принято постановление о мерах по развитию молекулярной биологии, а в 1981 г. – физико-химической биологии [там же, с. 92]. Безусловным условием развития новых направлений стало внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство. Для соединения науки с производством государство начало формировать научно-производственные объединения (далее – НПО). Цель НПО – на собственной экспериментальной базе, по характеристикам приближенной к производству экспериментальной базы внедрять и апробировать новейшие достижения науки, разрабатывать новые продукты и технологии. Говоря современным языком, НПО должны были проводить исследования полного инновационного цикла от фундаментальных исследований до серийного производства. Историки науки видели в этом явлении факт того, что «соединение науки с производством сочетается с научным лидерством. Впервые наука оказалась руководителем серийного производства» [6, с. 203, 204].

Таким образом сформировался территориально-отраслевой принцип управления наукой (схема). Подчинение осуществлялось как по вертикали (внутри отрасли), так и по горизонтали (местными властями). В советской историографии принято считать, что таким образом была сформирована система передачи знаний от науки в производство. Академические институты направляли научные результаты отраслевым, которые через проектные или конструкторские организации научные достижения преобразовывали в технические решения, внедряемые в производство. Параллельно вузовская наука, держа руку на пульсе, на опережение готовила специалистов под новые производства и технологии [5, с. 121, 127]. Фактически эта схема не работала. В конце 1980-х гг. это констатировал Г. А. Лахтин: «Академическая и отраслевая наука конкурировали между собой, при этом отраслевая наука выступала в качестве эксперта для результатов НИР академических учреждений. В результате институты АН СССР были вынуждены создавать дублирующие конструкторские бюро и опытные производства. В то же время производство не было заинтересовано в нововведениях, т. к. для них приоритетным было выполнение плана производства» [6, с. 40, 41].

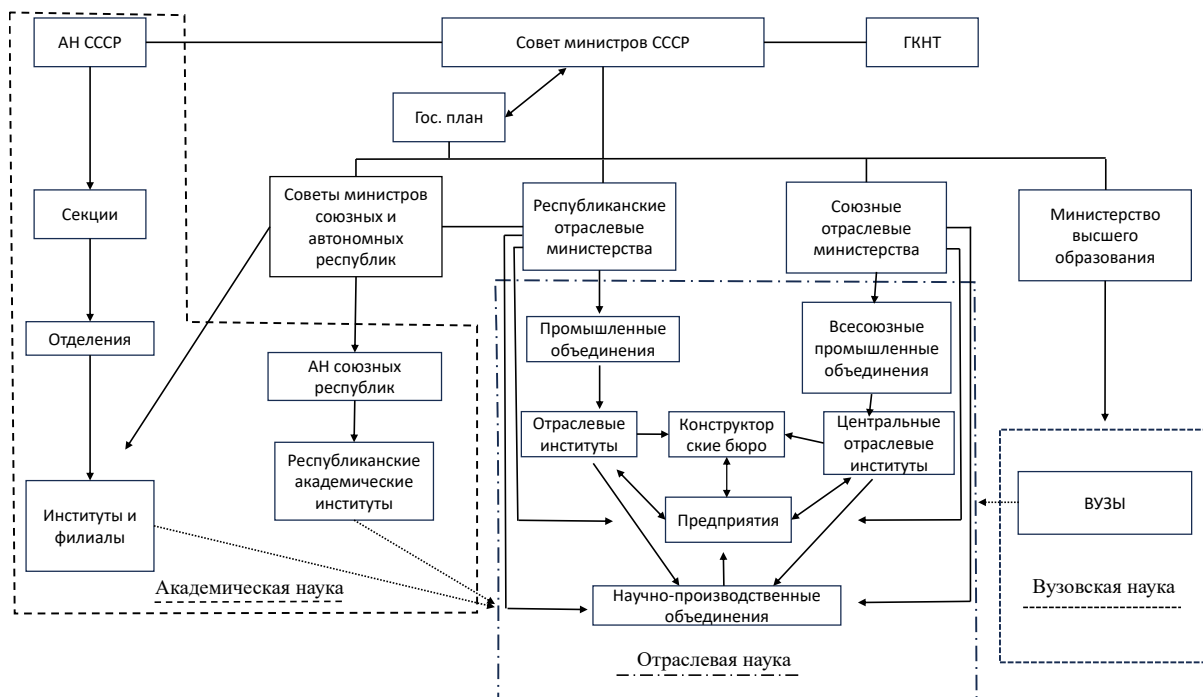

Схема. Территориально-отраслевая схема управления наукой.
Scheme. Territorial-sectoral scheme of science management.

Таким образом, к концу рассматриваемого периода структура организации науки была далека от совершенства и проблема быстрого трансфера технологий в производство требовала дальнейшей проработки.

Другим направлением развития научной политики в СССР был вопрос планирования научных исследований. Советский Союз первый в мире ввел систему научного планирования. С 1928 г. научные исследования должны были проводиться строго в соответствии с пятилетними планами развития хозяйства, избегая дублирования и мелкотемья. Контроль был возложен на Госплан СССР и АН СССР. Несмотря на первоначальные протесты ученых, этот механизм прижился и продемонстрировал свою работоспособность [13, с. 98–118].

Советские ученые отмечали, что в дальнейшем это развилось в «демократический централизм», когда наверху задавали приоритеты исследований, а на местах в рамках приоритетов формировали конкретные темы НИР, увязанные как с государственными задачами, так и с региональными (отраслевыми) [5, с. 108]. Вероятно, эта система в полной мере не давала ожидаемых результатов. В середине 1950-х гг. после успешного завершения атомного проекта, ученые физики в письмах к Политбюро, выступлениях на заседаниях Президиума АН СССР начали поднимать вопрос о важности фундаментальных исследований без жесткой привязки к насущным вопросам народного хозяйства [14, с. 105–107]. Как уже упоминалось ранее, реформа АН СССР 1961 г. привела к тому, что, согласно официальной позиции, фундаментальная наука была освобождена от прикладных исследований. Все институты, занимавшиеся отраслевой тематикой, были переданы в ведение профильных министерств. При этом преемственность и передачу технологий от фундаментальной науки к производству осуществляли админи-

стративными методами. С этой целью в 1961 г. Государственный научно-технический комитет был преобразован в Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ. Его главная задача – преодоление разобщенности научных звеньев друг от друга и от производства. Однако преобразование в 1965 г. этого комитета в ГКНТ означало признание неудачи из-за неохватности тематики и отсутствия единой системы научно-технических целей. Создание ГКНТ означало перенос центра тяжести в управлении наукой на организационную сторону [6, с. 29]. Контроль государства за тематикой научно-исследовательских работ осуществляли путем выстраивания иерархической схемы согласования планов работ и включения работ конкретных учреждений в координационные планы (в рамках которых предложения снизу механически суммировались, что исключало контроль и руководство со стороны основного исполнителя). Затем, на смену координационным планам пришли комплексные научно-технические программы (далее – КНТП). Их ключевое отличие заключалось в полном финансовом и материально-техническом обеспечении всех работ в рамках одной программы. Исследования должны были доводиться до конкретных практических результатов, т. е. либо до выпуска первой серии машин, либо до разработки и освоения нового технологического процесса, а то и до создания новых материалов [5, с. 106]. Следовательно, планы конкретных научных учреждений должны были вытекать из общего. Предполагалось, что в рамках КНТП интеграция всех участников научно-производственного цикла под общие задачи должна приводить к концентрации ресурсов и лучших кадров и, как следствие, более весомым результатам, которые могли не только предложить новые технологии, но и трансформировать целые отрасли экономики. Разработка КНТП началась в 1976 г. Было

объявлено о начале 200 общесоюзных программ. Однако уже к началу следующей пятилетки стало очевидно, что каждая из разрабатываемых программ столь всеобъемлюща, а ожидаемые результаты столь значительны, что возникали сложности с выбором объектов планирования и механизмов реализации программ. При разработке программ не было альтернативности как в постановке целей, так и в механизмах их достижений. В итоге отобранные программы должны были решать различные по значимости проблемы.

Для определения приоритетов требовалось разработать прогноз долгосрочного развития научно-технического прогресса, определить возможные точки роста существующих отраслей и предвосхитить появление новых направлений. С этой целью в 1980-е гг. было предусмотрено создание долгосрочных планов развития науки, тесно увязанных с перспективами народнохозяйственного развития. Они получили название «Комплексная программа научно-технического прогресса на долгосрочную перспективу» [15]. Общесоюзная программа включала информацию из региональных комплексных программ. В течение 1980-х гг. работа над «Комплексной программой...» подразумевала разработку методик для перевода экономики на новые основы работы и функционирования. Программа включала подробные рекомендации по предполагаемому содержанию и ориентации социальной, структурно-инвестиционной и научно-технической политики. Однако печально известные события конца 1980-начала 1990-х гг. не позволили реализовать положения программы.

Таким образом, система планирования научных исследований в СССР постоянно эволюционировала. Создавались все новые механизмы, направленные на приближение НИОКР к задачам развития промышленности. Однако, как вспоминал Б. Г. Салтыков, первый министр науки и технической политики Российской Федерации, а до этого заведующий отделом Института народнохозяйственного прогнозирования АН СССР, головной организации, занимающейся разработкой социально-экономических разделов Комплексных программ научно-технического прогресса СССР: «Все знали, что в пятилетние планы записывались почти готовые результаты, а потом народ занимался тем, что было интересно. Это удобно для самой научной системы. Но с точки зрения наиболее рационального использования общественных ресурсов система была неэффективна. В ней легко "прятались" целые области второсортной, а иногда и откровенной псевдонауки» [16]. Система планирования была закрыта, непрозрачна и, как следствие – отсутствовали реальные связи между общественными потребностями и приоритетами научно-технической политики.

Что же увидели наши американские партнеры? Прежде они сравнили организацию научно-технической политики двух стран. Затем выявили сильные и слабые стороны каждой из моделей. В научной политике СССР американские специалисты выделяли две системы. Первая, базовая экономическая система, была создана и развивалась в ответ на требования быстрой индустриализации. Наука и техника не являлись ее движущей силой. Эта система имела

«антиинновационный» уклон, так как была ориентирована на расширение существующих моделей производства и технологий. С 1950-х гг. начала формироваться новая система, в которую входили новые структуры и механизмы, нацеленные на ускорение темпов технологического развития. Между основной и дополнительными системами не было координации, подчас они действовали вопреки друг другу. В частности, органами, которые должны были заниматься формированием приоритетных научных исследований, были ГКНТ, Госплан СССР и Академия наук СССР. На бумаге эти организации обладали огромными полномочиями по обеспечению соблюдения основных приоритетов и обеспечению единой политики в области науки и технологий. Однако на практике им часто не хватало ни полномочий, ни средств, необходимых для выполнения интегрирующих функций. Вместо того, чтобы регулировать развитие событий в своих запутанных отраслевых округах, они сами порой подвергались регулированию и игнорированию. Министерства не всегда принимали рекомендации этих центральных ведомств, вместо этого следуя своим приоритетам [9, р. 36].

Другая особенность советской научной политики заключалась в том, что большая часть научных исследований и разработок проводилась в учреждениях, не связанных с производственными предприятиями, которые в конечном итоге должны были использовать их результаты. Промышленные предприятия не участвовали в выборе государством НИОКР для проведения исследований, хотя сложившаяся система предполагала, что они через профильные министерства могли влиять на отраслевые НИОКР. В целом научные исследования и разработки в СССР представляли собой автономную и закрытую подсистему. Планирование НИОКР было ориентировано в основном на развитие научно-технического потенциала, т. е. на расширение самой науки и техники, а не применение существующих знаний.

Американские НИОКР, напротив, более тесно связаны с другими подсистемами общества. Наука ради науки не была целью государственной политики. Наука должна окупаться. Таким образом, научные исследования являлись компонентом общей бизнес-стратегии. Главным следствием большей изоляции науки в советском обществе является то, что темы НИР и НИОКР характеризуются стабильностью и преемственностью. Возможность поэтапного планирования «от достигнутого уровня» обеспечивает советскому научно-техническому истеблишменту гарантированный и растущий уровень финансирования, который резко контрастирует с изменчивостью американских моделей финансирования науки. Однако инерцию советских институтов трудно сломать. Научно-исследовательские учреждения и программы могли функционировать годами, не принося каких-либо существенных результатов. В то же время американская научно-техническая структура, хоть и не столь стабильна, но более гибка и динамична, она гораздо быстрее прекращает непродуктивные исследования [там же, р. 306].

В СССР интеграция – это бюрократическая функция, возложенная на иерархию специальных ведомств. Пря-

мое сотрудничество между институциональными исполнителями НИОКР практически отсутствует. Межорганизационные связи, по существу, носят административный характер. В СССР инновации по заказу заставляют исполнителей НИОКР, а также контролирующих их министерств смотреть вверх. Они ориентированы на то, чтобы угодить своему административному начальству. Американские ученые в своих исследованиях и разработках делают акцент на прямое взаимодействие и взаимозависимость между основными исполнителями. В США основные проблемы, требующие научно-технологического решения, выбираются не в рамках формальной плановой деятельности, а посредством сложного политико-экономического процесса, который недостаточно понятен и экономически неэффективен. В Советском Союзе планирование НИОКР строго структурировано по принципу «сверху вниз». Наиболее важные цели науки и технологий формально определены и выбраны. Однако централизованное планирование и анализ исполнения сильно раздроблены не только в вертикальных отраслевых министерствах, но и в многочисленных специальных функциональных агентствах [там же, р. 304].

Оценивая разработку долгосрочных программ развития науки и техники на период с 1976 по 1990 год, американские специалисты обратили внимание на то, что во всем мире до сих пор не найдена правильная политическая и аналитическая формула для установления баланса между нынешними интересами и будущими потребностями. Научная политика государства все чаще должна отражать социальные и экономические последствия технического прогресса. В частности, национальное внимание в США сосредоточено на последствиях технологических изменений для окружающей среды, здоровья и общественной безопасности. В то время как советские власти больше беспокоит ограниченность ресурсов и рациональность их использования.

Американские специалисты обратили внимание на одну черту, объединяющую две страны. В противовес советским ученым, утверждавшим, что одним из препятствий внедрения инноваций на производстве является недостаточное материальное стимулирование руководства и основных исполнителей, американские ученые выяснили, что ни в одной из стран структура вознаграждения руководителей не соответствовала темпам инноваций. И американский, и советский менеджмент работали с коротким временным горизонтом, при котором «синица в руках была дороже журавля в небе». Другими словами сегодняшняя прибыль и премия предпочтительнее большей прибыли и повышенных бонусов в случае успешного внедрения новых разработок в будущем. Это в свою очередь означало ориентацию на менее рискованные и маломасштабные инновации, снижающие затраты, а не создающие принципиально новые продукты. Свободный рынок и конкуренция делали промышленность США инновационно емкой. В СССР решение не внедрять инновации автоматически не ставило под угрозу экономическую жизнеспособность предприятия. В советских условиях новые продукты очень медленно вытесняли старые технологии,

в то время как в США проигрыш в конкурентной борьбе практически гарантировал потерю рынка сбыта и финансовые проблемы [там же, р. 326].

Еще одной особенностью организации науки в СССР, о которой отечественные исследователи знали, но оценивали недостаточно объективно – это роль коммунистической партии в НТП. В советской и постсоветской историографии этот вопрос изучался, но, скорее, с точки зрения идеологии. Американские ученые изучили роль партии с точки зрения организации управления. Они выявили, что в политике СССР существовало два контура управления наукой. Первый – официальный, через иерархическую систему подчинения, а второй – партийный, контролировавший все сферы деятельности в СССР, в том числе научную и хозяйственную. В результате КПСС выполняла те связывающие функции, которые в США исполняли свободные рыночные отношения [8, р. 64].

Таким образом, изучив работы советских и американских ученых о формировании научной политики в СССР, можно сделать вывод о том, что руководство СССР осознавало угрозу начавшегося технологического отставания страны и с середины 1950-х гг. предпринимало разноплановые меры по ускорению научно-технического прогресса в стране. Однако эффективность этих мер оказалась под вопросом. Зарубежные исследователи, наблюдая за ситуацией извне, четко обозначили проблемы, которые невозможно было увидеть изнутри, поскольку они проистекали из советского образа жизни. В СССР власти пытались подменить идеологическими механизмами рыночные. Практика показала, что замена оказалась равнозначной. В то же время советская научная политика обладала рядом преимуществ. Централизованная система планирования и строгая иерархия системы управления позволяли быстро собрать научный потенциал страны для реализации важных проектов и достижения приоритетных целей. В вопросах формирования будущих приоритетов науки СССР и США находились на одном уровне. Главная задача, которую предстояло решить, заключалась в том, чтобы найти ответ на вопрос: «Как развивать научно-технический комплекс, чтобы он соответствовал сложности проблем?»

Нельзя игнорировать прослеживающиеся параллели, при сравнении научной политики СССР и современной России. Очевидно, что при формировании научно-технической политики Россия так или иначе возвращается к методам, применяемым в Советском Союзе: это и КНТП, который является новой итерацией программ 1970-х гг., и межотраслевые объединения, или консорциумы и мн. др. В то же время сложности, на которые обратили внимание наши американские коллеги, до сих пор остаются неучтенными, хотя на данный момент Россия преодолела идеологический барьер, не позволявший вводить свободный рынок и конкуренцию. Представляется, что, развивая научную политику, Российская Федерация должна активнее разрабатывать программы, стимулирующие появление большого количества технологических предпринимателей в малом и среднем бизнесе и квалифицированных заказчиков в крупном, развивать государственную под-

держку разработчиков и производителей отечественной высокотехнологической продукции. В то же время по примеру зарубежных стран государству следует озаботиться программами, позволяющими ученым безболезненно переходить из науки в бизнес и обратно, давая возможность в случае неудачи их стартапов продолжить научные исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. КПСС. Съезд, 24-й Стенографический отчет. 30 марта – 9 апр. 1971 г. В 2-х т. Т. 1. – Москва : Политиздат, 1971. – 598 с.
2. Беляев, Е. А. География советской науки / Е. А. Беляев // Вестник АН СССР. – 1967. – № 10. – С. 27–34.
3. Беляев, Е. А. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР (исторический очерк) / Е. А. Беляев, Н. С. Пышкова. – Москва : Наука, 1979. – 246 с.
4. Беляев, Е. А. Вопросы территориального размещения науки / Е. А. Беляев // Социологические проблемы науки / под ред. В. Ж. Келле. – Москва : Наука, 1974. – С. 328–330.
5. Беляев, Е. А. КПСС и организация науки в СССР / Е. А. Беляев. – Москва : Политиздат, 1982. – 143 с.
6. Лахтин, Г. А. Организация советской науки: история и современность / Г. А. Лахтин. – Москва : Наука, 1990. – 224 с.
7. Nolting Louvan E., Feshbach Murray, R&D Employment in the USSR. // «Science», Vol. 207 (February 1, 1980), pp. 493–503. Internet Archive [website] <https://www.science.org/doi/10.1126/science.207.4430.493> Дата обращения: 20.10.2023.
8. Cocks Paul The Role of the Party in Soviet Science and Technology Policy. Internet Archive [website] URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/0000-620-4-Cocks.pdf>. Дата обращения: 25.10.2023.
9. Science Policy: USA/USSR: Volume 2 Science Policy in the Soviet Union Foundation, 1980. – 345 p.
10. Самарин, А. В. Роль Академии наук СССР в формировании научно-технической политики Советского Союза в 1920–1940-е гг. / А. В. Самарин // Вопросы истории естествознания и техники. – 2023. – Т. 44, № 2. – С. 237–253.
11. Иванов, К. В. Наука после Сталина: реформа Академии 1954–1961 гг. / К. В. Иванов // Науковедение. – 2000. – № 1. – С. 184–211.
12. Несмеянов, А. Н. На качелях XX века / А. Н. Несмеянов. – Москва, 1999. – 309 с.
13. Академия наук СССР за четыре года, 1930–1933. Речи и статьи неперменного секретаря акад. В. П. Волгина. – Ленинград : Издательство АН СССР, 1934.
14. Письмо академика П. Л. Капицы Н. С. Хрущеву по вопросам организации советской науки // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991 / 1952–1958/ отв. сост. : В. Ю. Афиани, В. Д. Есаков.

– Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 1279 с.

15. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 695 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы».
16. Салтыков, Б. Реформирование российской науки: анализ и перспективы / Б. Салтыков // интернет-портал Полит.РУ. – URL: <https://polit.ru/article/2002/11/11/475591/> (дата обращения: 01.02.2024).

References

1. KPSS. S'yezd, 24-y Stenograficheskiy otchet. 30 marta – 9 apr. 1971 g. [CPSU. Congress, 24th Verbatim Report. March 30 - April 9, 1971]. In 2 volumes. Vol. 1. – Moscow, Politizdat Publ., 1971. – 598 p.
2. Belyaev, E. A. Geografiya sovetskoy nauki [Geography of Soviet science] / E. A. Belyaev // Vestnik AN SSSR [Bull. of the USSR Academy of Sciences]. – 1967. – No. 10. – 27–34 p.
3. Belyaev, E. A. Formirovaniye i razvitiye seti nauchnykh uchrezhdeniy SSSR (istoricheskiy ocherk) [Formation and development of a network of scientific institutions of the USSR (historical essays)] / E. A. Belyaev, N. S. Pyshkova. – Moscow: Nauka, 1979. – 246 p.
4. Belyaev, E. A. Voprosy territorial'nogo razmeshcheniya nauki [Issues of territorial location of science] / E. A. Belyaev // Sotsiologicheskiye problemy nauki [Sociological problems of science]. / Ed. V. Zh. Kelle. – Moscow: Nauka. – 1974. – P. 328–330.
5. Belyaev, E. A. KPSS i organizatsiya nauki v SSSR. [CPSU and the organization of science in the USSR] / E. A. Belyaev. – Moscow: Politizdat Publ., 1982. – 143 p.
6. Lakhtin, G. A. Organizatsiya sovetskoy nauki: istoriya i sovremennost' [Organization of Soviet science: history and modernity] / G. A. Lakhtin. – Moscow: Nauka, 1990. – 224 p.
7. Nolting Louvan E. R&D Employment in the USSR / Nolting Louvan E., Feshbach Murray // «Science», Vol. 207 (February 1, 1980). – P. 493–503. Internet Archive [website] <https://www.science.org/doi/10.1126/science.207.4430.493> (accessed: 20.10.2023).
8. Cocks Paul. The Role of the Party in Soviet Science and Technology Policy / Cocks Paul. – Internet Archive [website]. – URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/0000-620-4-Cocks.pdf>. (accessed: 25.10.2023).
9. Science Policy: USA/USSR: Vol. 2. Science Policy in the Soviet Union Foundation, 1980. – 345 p.
10. Samarin, A. V. Rol' Akademii nauk SSSR v formirovaniy nauchno-tekhnicheskoy politiki Sovetskogo Soyuz v 1920-1940-ye gg. [The role of the USSR Academy of Sciences in the formation of the scientific and technical policy of the Soviet Union in the 1920–1940s] / A. V. Samarin // Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki [Problems of history of science and technology]. – 2023. – Vol. 44, No. 2. – P. 237–253.

11. Ivanov, K. V. Nauka posle Stalina: Reforma Akademii 1954–1961 gg. [Science after Stalin: Reform of the Academy 1954–1961] / K. V. Ivanov // Naukovedeniye [Science studies]. – 2000. – No. 1. – P. 184–211.
12. Nesmeyanov, A. N. Na kachelyakh XX veka. [On a XX century swing] / A. N. Nesmeyanov. – Moscow, 1999. – 309 p.
13. Akademiya nauk SSSR za chetyre goda, 1930–1933. Rech'i i statyi nepremennogo sekretarya akad. V. P. Volgina [Academy of Sciences of the USSR for four years, 1930–1933. Speeches and articles by the permanent secretary, academician V. P. Volgin]. – Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1934.
14. Pis'mo akademika P. L. Kapitsy N. S. Khrushchevu po voprosam organizatsii sovetskoy nauki [Letter from Academician P. L. Kapitsa to N. S. Khrushchev on the organization of Soviet science] // Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TSK RKP(b)-VKP(b)-KPSS. 1922–1991 / 1952–1958 [Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-VKP(b)-CPSU. 1922–1991 / 1952–1958] / Comps. V. Yu. Afiani, V. D. Esakov. – Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. (ROSSPEN), 2010. – 1279 p.
15. Postanovleniye Tsentral'nogo Komiteta KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 12 iyulya 1979 g. N 695 "Ob uluchshenii planirovaniya i usilenii vozdeystviya khozyaystvennogo mekhanizma na povysheniye effektivnosti proizvodstva i kachestva raboty" [Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated July 12, 1979 No. 695 "On improving planning and enhancing the impact of the economic mechanism on increasing production efficiency and quality of work"].
16. Saltykov, B. Reformirovaniye rossiyskoy nauki: analiz i perspektivy [Reforming Russian science: analysis and prospects] / B. Saltykov // Internet portal Polit.RU. Internet. – URL: <https://polit.ru/article/2002/11/11/475591/> (accessed: 01.02.2024).

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements (state task)

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, on the topic «Transformations of society, government and economy in the regions of the European North of Russia (state registration No. 122040800166-0).

Информация об авторе:

Самарин Алексей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0000-0002-7528-4242 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: samarin@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Aleksei V. Samarin – Cand. Sci. (History), ORCID 0000-0002-7528-4242, Senior Researcher at the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: samarin@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Самарин, А. В. Научная политика СССР в 1950–е–начале 1980–х годов в исследованиях советских и американских ученых / А. В. Самарин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67). – С. 100–107.

For citation:

Samarin, A. V. Scientific policy of the USSR in the 1950s–early 1980s in the research of Soviet and American scientists / A. V. Samarin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1 (67). – P. 100–107.

Дата поступления рукописи: 02.02.2024

Прошла рецензирование: 09.02.2024

Принято решение о публикации: 12.02.2024

Received: 02.02.2024

Reviewed: 09.02.2024

Accepted: 12.02.2024